

достижением исторических исследований по предложенной тематике.

Этот вывод делает д-р Ю. Царуски (Институт современной истории, Мюнхен-Берлин, ФРГ) в статье «Выставка “Война на уничтожение” — размышления об изменениях общественной памяти о войне против СССР в Германии, 20 лет спустя». Автор показывает, как после выставок о преступлениях вермахта на Восточном фронте, путешествовавших в 1995–1999 гг. и 2001–2004 гг. по Германии, возобновилась дискуссия о национал-социализме. Когда некоторые, пусть заостренные и неоднозначные, свидетельства о прошлом вошли в столкновение с общепринятой картиной истории, уже, казалось, признанная историческая память оказалась под сомнением, что вызвало неожиданно широкий общественный резонанс. Аналогичные сюжеты затрагивает в своей статье «История сотрудничества на примере германо-русского музея Берлин-Карлсхорст директор музея д-р Й. Морре (ФРГ).

Последний тематический блок сборника составляют статьи о различных аспектах исторической памяти более ранних времен, которые подчеркивают значение преемственности в вопросах восприятия. Такие темы как «образ немца» (статья «“Веселися, славный

тевт!”: “Немец” и его роли в русской сатире 1917–1918 гг.» с.н.с. Института российской истории РАН к.и.н. Т.А. Филипповой), «образ России» (статья «Образ России в современной немецкой литературе (на примере произведения Ю. Герман “Красные кораллы”») доцента ЛГПУ к.пед.н. Т.Ю. Васильевой), «образ Своего и Чужого» (статья «“Свой” — “чужой” в смеховой культуре периода Великой Отечественной войны» к.и.н. Е.В. Огарковой, Волгоград), «образ мужчины и женщины» (статья «Гендерные характеристики франкоязычных плакатов времени Второй мировой войны (лингвистический аспект)» к.филол.н. Е.В. Загородневой, ЛГПУ), «образ Родины» («Концепт “Родина” в немецком и русском поэтическом дискурсе» к.филол.н. Л.В. Беленикиной, ЛГПУ) напоминают, что стереотипы формируются и закрепляются в сознании в результате целенаправленных действий и процессов, протекающих по одним и тем же законам. Зная эти законы, можно предвидеть повороты в общественном сознании и способствовать их развитию в направлении плюрализма, гуманизма и созидания.

Т.А. Некрасова,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник истфака МГУ

L. Lüdicke. CONSTANTIN VON NEURATH. EINE POLITISCHE BIOGRAPHIE. Paderborn — München — Wien: Ferdinand Schöningh, 2014, 705 S.

Л. Людикке. КОНСТАНТИН ФОН НЕЙРАТ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ. ПАДЕРБОРН — МЮНХЕН — ВЕНА, 2014, 705 с.

Может ли профессиональный дипломат стать министром иностранных дел? Несомненно. А может ли министр иностранных дел стать политиком? На этот вопрос ответить однозначно значительно труднее, поскольку это зависит не только от личных качеств самого министра и его профессионализма, но прежде всего от характера политического режима, в котором ему приходится действовать. В условиях тоталитарного режима это исключено, поскольку сама его природа не предполагает наличие на авансцене *политиков*, а только *одного* политика. Исходя из этого, барон Константин фон Нейрат *не пожелавший быть* политиком в Веймарской Германии, *не мог* стать им в национал-социалистической Германии. Тем не менее ни он сам, ни его деятельность в качестве первого министра иностранных дел третьего рейха вовсе не были преданы забвению историками, а лишь оттеснены на задний

план, что отражало определенные тенденции в немецкой историографии. Не случайно первая биография Нейрата появилась в Германии спустя 70 лет после окончания Второй мировой войны, будучи всего второй в мировой историографии¹. Да и количество статей, посвященных его деятельности на посту рейхсминистра, весьма невелико в отличие от посвященных его преемнику на этом посту — Риббентропу. А ведь именно в качестве рейхсминистра Нейрат прежде всего остался в истории.

Об этом и не только приходится задумываться, знакомясь с политической биографией Нейрата, написанной Ларсом Людикке.

¹ Первая вышла почти 40 лет назад: *Heinemann J.L. Hitler's First Foreign Minister. Constantin Freiherr von Neurath, Diplomat and Statesman. Berkeley u.a. 1979.*

Основываясь на большом массиве архивных материалов, в том числе личной переписке Нейрата, а также опубликованных документах и литературе, автор описывает своего героя — с детства и до последних дней его долгой, более чем 80-летней, жизни на фоне невероятно насыщенной событиями эпохи. Портрет получился неровный: местами очень выразительный и убедительный, когда Нейрат предстает живым человеком со всеми его достоинствами и недостатками, причем последние явно преобладают (наиболее дипломатичное определение, данное Л. Людикке будущему рейхсминистру — «выделяющаяся незаметность» (с. 29); а иной раз — достаточно поверхностный и фрагментарный, что особенно заметно, поскольку, преимущественно касается важных периодов его деятельности.

По мнению Людикке, Нейрат не обладал «политической дальновидностью» (с. 234), отличающей политического деятеля даже от самого высокопоставленного государственного служащего. Это, разумеется, не означало, что у Нейрата не было своих представлений, своего видения того, какой *должна быть* внешняя политика Германии и каковы должны быть ее цели. В книге этому вопросу уделено большое внимание, эволюция внешнеполитических взглядов Нейрата прослеживается на протяжении многих десятилетий. В период, когда он стал оказывать то или иное влияние на политику Германии, Нейрат неизменно исходил из необходимости добиваться возвращения ей статуса мировой державы, причем исключительно при помощи политики силы. Вместе с тем его представления, как полагает автор, не выходили за рамки империалистических целей, содержащихся в известной «программе Гинденбурга», что, разумеется, принципиально отличало их от взглядов и намерений Гитлера, который рассматривал «экспансионистские фантазии вильгельмовской эпохи» (с. 256) лишь прелюдией на пути к мировому господству. Но именно Нейрату еще в январе 1932 г. Гитлер — в случае формирования правительства с участием национал-социалистов — предложил возглавить МИД.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос: почему Нейрат подходил Гитлеру и почему Гитлер устраивал Нейрата? Хотя их представления о будущих целях внешней политики Германии фундаментально различались. В книге, можно сказать, дан почти исчерпывающий ответ на первый вопрос. Германии, восстанавливавшей в условиях турбулентного внутривнутриполитического развития и укрепления национал-социалистического режима военную мощь и политическое влияние, требовался именно такой человек, как

Нейрат. Представляя на международной арене новый рейх, он должен был символизировать приверженность Германии традиционным правилам и нормам, маскируя при этом всё больший отход от них. Именно сочетание данного требования со взглядами Нейрата на место его страны в мире делало Нейрата оптимальной для Гитлера фигурой на посту министра иностранных дел в период наращивания сил и подготовки политики аннексий и агрессий. Последующие пять лет, когда Нейрат возглавлял МИД, полностью подтвердили правильность выбора Гитлера. Вероятно, они даже превзошли его самые оптимистические ожидания по поводу той благоприятной атмосферы, в которой другие, прежде всего европейские державы позволили Германии готовиться к войне.

Если же говорить о том, почему Гитлер устраивал Нейрата, то очевидно, что рейхсминистр мог быть доволен сложившимся положением, поскольку наконец-то сбылось то, о чем он еще в 1923 г. с надеждой писал своей матери: «Однажды и у нас появится свой Муссолини» (с. 165). Создание правительства во главе с Гитлером в качестве предпосылки для проведения «более или менее разумной внешней политики» (с. 153), т.е. политики, опирающейся на диктатуру, полностью отвечало политическим предпочтениям Нейрата, не исключавшего, как отмечает Л. Людикке, и войну в качестве *ultima ratio* этой политики (с. 452–453). И это отношение он сохранил на протяжении почти всего времени своего министерства, что подтвердил, находясь уже в тюрьме, после войны: «До тех пор пока Гитлер проявлял благоразумие, я поддерживал его политику» (с. 9).

И здесь возникает вполне закономерный вопрос, что стояло за этой поддержкой? Ведь рейхсминистр иностранных дел не был сторонним наблюдателем. По мнению Л. Людикке, несмотря на то, что после осуждения Нейрата на Нюрнбергском процессе прошли многие десятилетия, историки по-прежнему придерживаются вывода, сформулированного К.-Д. Брахером еще в 1957 г.: Нейрат взял на себя «ответственность за внешнюю политику», «которой он не делал» (с. 579). Л. Людикке не привел подтверждений в пользу своей оценки, не назвал он и причин такого положения в историографии, возможно, полагая, что все объяснения на этот счет были даны уже в другой книге². В то же время вывод, сделанный Брахером 60 лет тому назад, должен был бы

² Das Amt und die Vergangenheit: Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und in der Bundesrepublik. München, 2010.

побудить к интересной и полезной дискуссии по проблеме ответственности различных ветвей власти за решения, осуществляемые в разных политических системах. Что касается героя Л. Людикке то, конечно, он «делал» внешнюю политику Германии вплоть до своей отставки в том смысле, что он и аппарат его ведомства были тем механизмом, через который реализовывались внешнеполитические решения Гитлера. Сопричастность Нейрата к выработке этих решений не всегда в полной мере отслеживалась и анализировалась автором, что, кстати, не могло не отразиться и на рассмотрении содержательной стороны обвинений, предъявленных Нейрату как рейхсминистру иностранных дел в Нюрнберге. О них сказано как бы между прочим, буквально в одном абзаце (с. 568). Не бесспорным представляется вывод Л. Людикке о роли Нейрата в реализации на международной арене, вопреки ее рамочным условиям, мировоззренческих установок Гитлера — он квалифицирует эту роль как решающую (с. 403). Здесь автор явно демонизирует рейхсминистра, который будучи, согласно его характеристике, «сущей посредственностью» (с. 61), вряд ли смог бы добиться, желаемых Гитлером результатов во внешней политике без двух действительно в решающей степени способствовавших этому факторов:

— во-первых, вследствие политики основных игроков на международной арене, по-разному, но тем не менее создававших благоприятные условия для превращения нацистской Германии в главную угрозу миру и безопасности других стран;

— во-вторых, благодаря тем профессиональным дипломатам на высоких постах в разных столицах мира, кто, за редчайшим исключением, поставил свои способности на службу нацистскому режиму, способствуя реализации замыслов фюрера, истинный смысл которых они не всегда осознавали.

Без постоянного учета этих, а также ряда других факторов, роль главы внешнеполитического ведомства в «делании» политики третьего рейха вряд ли может быть оценена в полной мере. С этой точки зрения можно сказать, что представленный Л. Людикке портрет Нейрата, особенно в наиболее ответственный период его деятельности, не совсем точно отражает его «заслуги» перед историей. К тому же повествование об эпохе — независимо от воли автора — зачастую явно отодвигает главного персонажа на задний план.

С.З. Случ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН